

Денис Грачёв

Человек-Всё

Неоконченный роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Денис Грачёв

Человек-Всё

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Грачёв Д. А.

Человек-Всё / Д. А. Грачёв — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Роман «Человек-Всё» (2008-09) дошёл в небольшом фрагменте — примерно четверть от объёма написанного. (В утерянной части мрачного повествования был пугающе реалистично обрисован человек, вышедший из подземного мира.) Причины сворачивания работы над романом не известны. Лейтмотив дошедшего фрагмента — «реальность неправильна и требует уничтожения». Слово "топор" и точка, выделенные в тексте, в авторском исходнике окрашены красным. Для романа Д. Грачёв собственноручно создал несколько иллюстраций цветными карандашами. Эти иллюстрации не коррелируют по смыслу с сюжетом дошедшего до нас отрывка. Содержит нецензурную брань.

© Грачёв Д. А., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

ТОПОР.	7
.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Моль пьёт слёзы спящих птиц. Птицы все как одна большие, туго, под завязку набитые песнями. Моль маленькая, шероховатая и мягкая на глаз. Слезы не большие и не маленькие, десятиричные, наподобие немелких дробей, а если попробовать их на вкус, то сразу произнесёшь слово «детство». Но произнесёшь и сразу подумаешь: ну произнес, и что дальше? Что с этим «детством» делать?

Как что? Детство, скажем, можно превратить в укрытие на случай разочарования во всех и вся, каковое случается в наше время всё чаще и чаще, так часто, что больше и не уследишь за частотой, знай только успевай разочаровываться. Вот и я, только разгуляв повествование, разочаровался в нём, о чём, как честный человек, должен признаться читателю, чтобы не отнимать у него время, питая иллюзиями, и закончить эту неначавшуюся повесть, благо читатель пока не успел ни полюбить её, ни уж тем более понять.

До свидания, читатель! Приятного тебе странствия по другим морям-океанам русской нашей, обильной словесности!¹

Нашли меня всё-таки? Тогда уж не обессудьте, что буду говорить шёпотом. Шёпот не мешает пониманию, если при этом смотришь прямо в глаза, вычленяя взглядом самую суть сообщаемого. Или можно не вычленять суть взглядом, но при этом смотреть на вас как бы побуждая к тяжёлым физическим упражнениям: тогда расхристанная, бездомная кровь приливает к звенящей от пустоты голове, сортируется по ящичкам, организуется, обретает дом, а с домом – и дисциплину, становится ручной, дрессированной и уже не такой уязвимой, прибавляя таким образом понимания и голове, и прочим частям тела. Можно и так. А можно смотреть на вас как на ежа, укравшегося было в прелой норке, но внезапно обнаруженного и поставленного под прямой, холодный, мучительно-белый свет софитов. Это действует. Или как на латифундию, отданную в правление строгого, но слепого принца, которого нужно прилюдно высечь. Словом, есть много с трудом описуемых, но действенных способов донести до вас мою историю, которую иначе как шёпотом и не расскажешь. И вот я уже говорю этим самым шёпотом, свистящим наподобие русской вьюги, которая, в свою очередь, исчезает в небе цвета мёрзлого угля наподобие симпатических чернил; исчезает без оглядки, чтобы, исчезнув, стать божественной. Вот уже произношу этим самым свистящим в мире шёпотом первые слова, или даже меньше, чем слова, всего лишь малую толику слов – «ГХС!» – и исчезаю, уподобившись вьюге, симпатическим чернилам, пузырю на воде и всему легкорастворимому & летучему. Так что дальше я продолжаю свой рассказ уже будучи невидимым, отчего рассказ, конечно же, не теряет, но приобретает чёткости, поскольку пронзительный, ледяной шёпот, доносящийся из ниоткуда, словно от Бога или из-под земли, словно произносимый не тёплыми, почти конскими человеческими губами, но скомканной бумагой, проникает глубже, вспахивает тщательнее, расслаивает тоньше – словом, такой вот шёпот из ниоткуда способен творчески переформатировать вас в мистический mp3 и закачать в какой-нибудь тинистый, волглый плеер, собранный под крыльцом да на пригорочке, откуда дух ещё тот проплывает: дух, всеми движениями подражающий тлетворному, большому, кислому рвотному кораблю.

ГХС, произношу я, *Главное – Хорошо Спрятаться*, и это залог моей невидимости, но не залог того, что Курсор промахнётся.

* * *

Итак, вечер. Ну что может из себя представлять вечер? Он может представлять из себя неопределённый, влажный шум, который одинаково подходит удалённому, как бы подвешенному над землёй морю и передвижному, всеведущему шёпоту, уколдовывающему мир до состояния равнонаселённой аэросферы; кроме того, вечер может представлять из себя клокотание

¹ Далее в рукописи полтора десятка пустых страниц до продолжения текста романа (здесь их количество сокращено).

неровной цветности, целиком состоящей из тех серо-сиреневых полароидных оттенков, которые в литературе иного рода склонны называть колдовскими; к вечеру может также прилагаться трупного цвета, весь какой-то пережжённый город, до того жалкий, что к нему хочется обратиться на вы (ведь негоже с мёртвыми быть запанибрата). Вот в такое приблизительно *тёмное время суток*, хрупко сочетавшее в себе актуальную бесконечность и нефтяную маслянистость, я шёл в неизвестном направлении приземлённой чугунной походкой, слишком близкий к земле, чтобы вполне казаться человеком, слишком высокий, чтобы быть принятым за проворного хищника, прямо в почву ныряющего, прямо из почвы выныривающего.

Не всему на свете есть объяснение (и это, увы, не вызывает у нас радостный щелчок нервов, вследствие того что пошляки, к коим легко могу быть причислен и я, ненавидят банальности), однако объяснение моей походке, не только тяжёлой, но и лёгкой, несомненно было. Это объяснение, будучи запечатлённым на белом листе аккуратным типографским шрифтом, прозвучало бы так просто, что у человека неискущённого, ищущего либо удручённого литературой могло вызвать негодование, по форме напоминающее зевоту, а потому я напишу искомое слово с надлежащими прикрасами, так, чтобы ни у кого не осталось ни полсомнения в серьёзности моих тогдашних намерений; итак, походка моя объяснялась тем, что за пазухой у меня, на специальной петельке, пришивая которую я исколол все пальцы (вру, вру, не все, а несколько, но это неважно, важно, что они саднят, как надкушенные), висел

ТОПОР.

Вот такой топор и висел, то ли на специальной петельке, то ли на листе бумаги – не простой, а с красочной точкой после себя, не оставляющей сомнений в его, топора, намерениях. Да и правду сказать, что бы это был за топор, если бы он требовал после себя запятую? Как вообще можно называться топором, если после твоего имени не стоит точка? Резоннее тогда зваться плёткой, батогом или, на худой конец, шпицрутенами. По чести говоря, и здесь меня подводит стеснительность вкупе с врождённым чувством гармонии, которые, собственно, понудили привесить к моей запазухе сие смертоносное орудие, и здесь я опасаюсь правды, выглядящей слишком негармонично, ибо правда заключалась бы в том, что точка после топора по всем законам онтической² иерархии должна быть несравненно крупнее, размером если не с надвигающуюся на этот мир суровую галактику, всю в небесно-фиалковых молниях, как бы в электрическом костюме пантократора, то, по крайней мере, с недреманное око инквизитора, зорко выглядывающего грех и зорко этот грех карающего. Словом, я снова смалодушничал, не поставив после *топора* вот такую

² Онтический – в философии М. Хайдеггера: относящийся к порядку сущего в отличие от «онтологического» как относящегося к порядку бытия.

честную точку.

Вновь выиграл топор, а точка почти проиграла. Топор вообще довольно часто выигрывает.

Итак, шёл я ровно, гладко, не выкидывая коленцев, не взбрыкивая и не оставляя внутри своей походки ни малейшего шанса артистизму, который, право, смотрелся бы неуместно на фоне одноййцевых новостроек, чьи размеры никак не могли ввести в заблуждение насчет их родословной, ведущейся от казармы и конструктора «Лего». Только войдя в крупную, всю какую-то пухлую и ворсистую тень от новостроек, будто умножавшую ночь на два и тем делающую её в два раза более похожей на могилу, я сразу почувствовал мелкий и дрожащий холодок в голове, который образовался оттого, что сверху из головы была вынута чрезвычайно полезная для личной безопасности заглушка. Кем же она была вынута, возможно, спросили бы вы, если бы вас хоть кто-нибудь спрашивал? Не кем, а чем, поправил бы я вас, если бы счёл нужным ответить. Пустырями, которые ой какие большие специалисты по изъятию всех и всяческих заглушек безопасности. Откель пустыри-то? С каких таких безблагодатных небес вдруг свалились они на мою голову, если вот только что вокруг да около возвышали свои могильные громады новостройки, которые ведь не могли же за столь краткое, я бы сказал – анекдотически краткое, время стать Einstürzende? Не тем смотрите, уважаемые, не тем и не там, поскольку новостройки – они лишь с одной стороны новостройки, а с другой – те же пустыри, поставленные, не при дамах будь сказано, раком. Те же босяцкие ухватки. Те же продувные, сквознячные привычки. То же подслеповатое приглядывание к чужакам, которое вдруг да обернётся стойким ощущением того, что всё вокруг, включая сам воздух, аплодирующий себе развешанными на балконах простынями, смотрит на тебя искоса, то есть приглядывается к тебе по-пустыриному.

И всё бы ладно – приглядывайся как угодно, ветром и сквозняком ощупывай лицо (я же понимаю, ты слеп, пустырь) – только зачем выпускать навстречу странникам, бредущим через тебя, этих самых? Це ж просто нэвозможно, говорю я пустырю, притворяясь иностранцем, думая, что с иностранца меньше здесь спроса, что иностранца пощадят скорее, чем соплеменника, но, конечно, шиш с маслом, или, если угодно, дуля з оліей, этим прозрачным маскхалатом никого не обманешь, потому как если уж пустырь зачем-то отрыгнул этих самых из недр своих, то они дойдут до логического предела, верные пустырному слову и делу. Но пока что эти самые идут ко мне одинаковыми вихляющими походками хищников, у которых немного ослаблены шурупы в суставах, а в полых костях – повышенная турбулентность, идут тревожными опасными походками, словно бы готовые в любой момент перейти на бег или танец, гордые своими походками, как будто модными ремнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.